

ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТНОШЕНИЯХ СВОЙСТВА В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

Ключевые слова: когнитивная диалектология, диалектная картина мира, лексико-семантическое поле «Некровные родственники», лингвокультурная специфика, кубанские говоры.

Keyword: cognitive dialectology, the dialect world view, Marriage lexicosemantic field, lingua-cultural specificity, Kuban sub-dialects.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–05

Кубанские говоры (далее — КГ), будучи частью национального языка и общерусской культуры, в то же время принадлежат пространству оригинальной культуры кубанского казачества, сформировавшейся на базе локальных вариантов южнорусской и украинской этнических культур и во взаимодействии с культурой северокавказских этносов [Бондарь, 2019, с. 41]. Отражая традиционные и современные представления о мире, актуальные для жителей кубанских станиц, КГ аккумулируют и вербально транслируют выработанные поколениями членов диалектного сообщества взгляды на отношения свойства. Разделение на кровных и некровных родственников релевантно и для современных диалектоносителей.

Цель данной статьи — описать лингвокультурные представления об отношениях между некровными родственниками в диалектной картине мира (далее — ДКМ) жителей Кубани. Исследование проводилось с опорой на данные региональных словарей, отражающих лексику и фразеологию КГ (В. И. Андриященко и др., 2006; В. И. Андриященко и др., 2009; О. Г. Борисова, 2019; Лексика..., 2019; Русский говор Кубани, 1992), фольклорные сборники (А. Д. Бигдай; П. И. Ткаченко, 2008). В представленных в них материалах раскрывается традиционное для данного диалектного сообщества понимание категории свойства. Привлечение «культуроносных» [Смирнов, 2022, с. 7] записей устной речи диалектоносителей¹³ помогает репрезентировать смысловые приращения понятий, номинированных конститuentами лексико-семантического поля «Некровные родственники». Разнообразные по степени информативности

¹³ Материалы полевых экспедиций 2005–2019 гг.

и временной отнесенности источники делают возможным описать данное поле в синхронии и диахронии, отразив динамику одних его участков и устойчивость других. В работе использованы общенаучные методы (наблюдение, сопоставление, обобщение), традиционные лингвистические методы (этно-этимологический анализ, анализ семантики номинаций, компонентный и смежные с ним дефиниционный и контекстный анализ, полевой метод), а также концептуальный анализ.

Лексико-семантическое поле «Некровные родственники» составляют номинации людей, находящихся в отношениях свойства. В исследовании учтены как словарные значения лексем и фразеологизмов, так и их контекстуальная семантика, реализованная в речи диалектоносителей и фольклорных текстах. В данном поле специфически реализуется антропоцентричное по своей сути фундаментальное противопоставление *свой* — *чужой*. С одной стороны, конститuentы поля воспринимаются как *свои*. С другой — в силу диалогичности и переходного характера взаимоотношений между *своим* и *чужим* происходит взаимопроникновение *чужого* в *свое* и *своего* в *чужое*, что поддерживается экстралингвистическим фактором — отсутствием кровных уз. Родственники по свойству входят в круг родных, а концепт «родные» представляет собой «важную русскую категорию мысли» [Вежбицкая, с. 142]. В основе восприятия некровных родственников как *своих*, «родных лежит совершенно особая идея: я к тебе так отношусь, как будто ты мой кровный родственник» [Зализняк..., 2002].

Действительно, свойство тесно связано с кровным родством, поскольку образуется вследствие сближения не родственных по крови людей. Стереотипные образы супругов формировались у носителей КГ в соответствии с менталитетом, укладом и трудовым опытом членов диалектного сообщества. Воспринимаемые как два отдельных индивида муж и жена, будучи *чужими*, объединяются в одной семье, т. е. становятся *своими*. Недавно поженившихся супругов на Кубани могли называть *молодя'тки*¹⁴. Отсутствие формы ед. ч. подтверждает восприятие поженившейся пары в сознании носителей КГ как единого целого (ср. общенародное *молодожены* — *молодожен*). Лингвокультурологическая когнитивная тема «муж и жена — одно целое» отражается в поговорке: *Муш и жына' — цэ одно' цэ'лэ. Куды' го'лка, туды' и ны'тка*¹⁵ (стани-

¹⁴ Здесь и далее диалектные слова и фразеологизмы подаются в канонической форме.

¹⁵ Здесь и далее высказывания информантов подаются приемом малограмотного письма, принятого во многих диалектных лексикографических источниках. Данный способ подачи языкового материала позволяет передать основные особенности местной огласовки, при этом не затрудняет восприятие текста неспециалистом.

ца Динская). В речи пожилых диалектоносителей встречается существительное *дружи́на* «супруг или супруга»¹⁶. Корень ДРУЖ- демонстрирует, что мужа и жену связывают прежде всего дружба, взаимопонимание, преданность — залог прочного брака. Усиливает концептуальный признак единения отнесенность данного термина родства к общему роду. Муж и жена — сложная конструкция единства, что прослеживается в паремиях: *Муж да жена — одна сатана. Чёловик та жинка — одна душа*¹⁷. В них подчеркивается: муж и жена одинаковы в своих желаниях и стремлениях, причем как в добрых, так и в осуждаемых обществом. Приведем местную ироничную присказку: *Черэвы́к, черэвы́к, яка́ в тэ́бэ ди́рка! Якы́й сам мужы́нёк, така́ в ёго и жы́нка* (хутор Братский). Украинизм *чёлови́к* — диалектное наименование мужа в говорах Кубани, имеющих украинскую языковую основу (далее — КГУЯО). Мужа на Кубани называют также просторечными словами *мужи́к* и *хозя́ин*.

Многие паремии о супругах обладают антиномичной природой, проявляющейся в противопоставлении функций мужа и жены, их реакций на поведение друг друга, а также в причинно-следственной связи между их поступками: *Казак воюе, а жинка горюе. Муж пье, а жинка горшкы бье*. Противопоставление обязанностей казака и казачки отражаются в речи диалектоносителей: *Жэ́нцина, ана́ жы́на́, мать, на иё́ плича́х фсе́ хазя́йства, а вин, казацу́ра, он вою́е, слу́жить* (г. Славянск-на-Кубани).

В ДКМ жителей Кубани транслируются общенародные взгляды на роль мужчины в семье: прежде всего он ее глава. Главенствующую роль мужа можно объяснить андроцентричностью картины мира русского народа. Согласно православной традиции, во главе идеальной семьи стоит мужчина. Женское доминирующее начало считалось отголоском язычества, против которого церковь вела непримиримую борьбу.

На Кубани традиционно принято после свадьбы забирать жену из дома родителей. Однако в силу обстоятельств (бедность супруга, большое количество братьев и сестер в его семье, большая обеспеченность семьи невесты и т. п.) молодые после женитьбы поселялись у родителей жены. В этом случае о муже говорили: *приста́лу(в)зятъя́*. Отсутствие собственного жилья у мужчины, как правило, вызывало негативную реакцию у окружающих, в силу чего иронической окраской в КГ обладают номинации мужа, живущего в доме жены: *при(ы)ма́к, прый-*

¹⁶ Здесь и далее значения кубанских диалектизмов приводятся из словаря О. Г. Борисовой «Опыт словаря кубанских говоров» (Краснодар, 2018).

¹⁷ Здесь и далее извлеченные из фольклорных сборников (А. Д. Бигдай; П. И. Каченко, 2008) пословицы и поговорки, а также отрывки из народных песен подаются в той же форме, что и в источнике.

ма'к (ср. *прыма'ть* «принимать»), *чужедо'мник* и универбы *завчу'ха*, *зачу'ха* — *заведующий чужим хозяйством*. Однако перечисленные лексические единицы (далее — ЛЕ) употребляются и как нейтральные, в чем видится влияние современных нравов на институт семьи. Ср.: *Иногда' быва'ло и так, шо муш пириходи'л к жыне' как чужыдо'мник* (хутор Братский). *А цэй прыма'к начина'е, а я кажу': «Заткны'сь! Я сама' хазя'йка»* (станция Брюховецкая). *Тю, да ви'н жэ прыйма'к: свое'й ха'ты нэма'* (станция Динская). *Жына' умирла', вот. Там прада'л дом, а сюда', да ба'бушки, прышо'л в прымаки'. Жыву' завчу'хаю. А чё тако'й завчу'ха? За чужы'м хазя'йствам* (станция Кубанская). *Е'сли у жэныха' не'где жыть, то вин остае'цця у нэви'сты, ёго' «прымако'м» называ'лы* (станция Марьянская). *Тётку На'тьку лю'ди так писо'чили, шо сын пашо'л в прымаки' (г. Усть-Лабинск)*. Следует отметить, что в речи современных жителей Кубани существительные *прыма'к* и *чёлови'к* используются в значении «сожитель». См., напр.: *Вона' (внучка) тэпэ'р' жывэ' на кварти'ри с чилаве'кам. Ото' так. Я нэ пыта'ю, оно' мэна' нэ ну'жно* (станция Дядьковская). *А тоди' ото' я прыня'ла соби' прыймака', то'жы называ'ицця нэзако'нный муш. Зако'нный муш як сва'йба, роспыса'вся по зако'ну* (станция Новониколаевская). Иронический оттенок в КГ имеет диалектная фразеологическая единица (далее — ДФЕ) *приблудный байда'к* «сожитель, живущий в доме женщины».

Частотны рассказы о неблагоприятном поведении мужа и его вредных привычках. По мироощущению сельской женщины главная беда семьи — пьянство ее главы. Приведем показательное высказывание: *Ско'лько мужыко'в в стани'цэ ро'том заболé'ло (ро'том заболé'ть «пьянствовать»), а в се'мьях одно' го'ре* (станция Крыловская).

По рассказам информантов, муж часто бил жену. В патриархальных воззрениях на семью такое поведение принималось как должное. Эта мысль подтверждается в кубанских поговорках, отражающих андроцентрический взгляд на мир: *Казак жинку бье, укоряе, ругае не туди, колы вона вынувата, а колы у ёго на цэ врэмя е. Любы жинку як душу, а трысы як грушу*. Согласно гноцентрическому миропониманию, хороший муж — тот, который не бьет. См. контекст: *Харо'ший був (о муже): у го'лаву ни загляда'л (в го'лову загляда'ть «таскать за волосы»), усю' жызнэ пражы'ли дру'жна* (хутор Братский). В наших материалах зарегистрированы многочисленные жалобы жен на побои мужей: *Чёлови'ку мо'ёму нычэго напро'тив ны скажы', кы'даицця, як скажэ'нный* (станция Азовская). *Мужы'к мий ох ы бу'сорный був. Бив мэ'нэ и гуля'в по'чёрному* (станция Батуриинская). *Мужы'к бив тако'й, шо протяга'л ру'кы. А в ху'тори так: е'сли дырэ'сса — сканда'л, лю'ды всэ зна'ют* (хутор

Красный). См. также строфу из казачьей песни «Ой, там за яром бра-ла дивка льон»: *Ой, отдала мэнэ матуся моя, За кого я нэ хотила. Шумить-гудэ дротяна нагайка Биля мого билого тила*. Причиной рукоприкладства могла быть ревность, часто необоснованная. Между тем многие мужья нередко сами изменяли женам: *Вин гуля'л як пёс, по вси'м двора'м хвосто'м виля'л* (станция Бриньковская). *Ёму нычёго ны ну'жно: ны жы'нка, ны ди'ты! Ла'зэ скризь! Блудвэ'й прокля'тый* (станция Гривенская).

Опираясь на кубанскую паремиологию и рассказы информантов, в которых муж «пил, бил, гулял», можно констатировать наличие у понятия муж отрицательных концептуальных признаков, представляющих собой своеобразное триединство «пьянство — рукоприкладство — неверность».

Концептуально важной для характеристики понятия «муж» в сознании сельских жителей является семантическая оппозиция «трудолюбие — лень». На селе прожить без мужчины тяжело. Важнейшим качеством хорошего мужа в ДКМ является умение работать: *Муш был камбайнёр. Рабо'тать — душа' дало'й!* (станция Архангельская). *Муш был двухжы'льный, выно'сливый* (станция Родниковская). Напротив, лень и бесхозяйственность закономерно вызывают неприятие: *Муш был ляни'вый казача'ка* (станция Архангельская). *Амуш е'йный — междво'рка: ни лю'бить рабо'тать, зна'чить* (станция Кирпильская).

Обладая юмором и самоиронией, казачки подмечали недостатки мужа и относились к нему снисходительно (*Брак бачу и сама, шо чёловик без ума, а куды ёго динешь. Нема чёловика — купыла бы, а е — прода-ла бы*). Народная мудрость представляет жизнь без мужа как антинорму для женщины [Сокур, Адзинова, 2018, с. 113]. См. также песенный фольклор: *Ой, нэ лай ты його, моя матинко, Та пьяницу мого. Е у мэнэ диточки дрибнэньки. Бо як умрэ гиркий пьяница, Горэ будэ бэз його* («Розцвигталася червона калына»). Потеря мужа, даже горького пьяницы, для женщины большое горе.

Иметь хорошего мужа чрезвычайно важно: *Дивча'та, диржы'тися за харо'шыва му'жа как рипя'х за кожу'х* (станция Бриньковская). Однако каким бы хорошим муж ни был, для кубанской казачки дети важнее, они воспринимаются в народном сознании как когнитивная доминанта бытия: *Я вам, дивча'та, так скажу': чёлови'к нэ на ви'к, а ди'ты до гро'ба. Ди'ты — цэ для жэ'ничины са'мэ гла'внэ* (станция Старомышастовская).

Таким образом, при характеристике мужа указываются его реальные качества, он не наделяется какими-либо воображаемыми недостатками, что, как правило, фиксируется при оценке *чужих*. Такое представление

о муже в кубанском фольклоре и в речи носителей диалектов демонстрирует его принадлежность к кругу *своих*.

Диалектным наименованием жены в КГ является существительное *жи́нка*: нейтральное в КГУЯО и шутливо-ироническое в кубанских говорах с южнорусской языковой основой (далее — КГЮЯО). Слово *жи́нка* — гипероним для гипонимов *бобы́лка* «бездетная замужняя женщина», *бро́шенка* «женщина, оставленная мужем», *вдо́вка* «вдова», *молода́йка*, *молоды́ця* «молодая замужняя женщина, еще не родившая», *молоду́ха* «молодая замужняя женщина». Гиперо-гипонимическая парадигма содержит культурно релевантную концептуальную информацию, важность которой обусловила необходимость категоризации понятия «жена» посредством следующих концептообразующих признаков: наличие — отсутствие детей, родившая — еще не рожавшая женщина, наличие — отсутствие мужа, живущая с мужем — оставленная мужем.

Выбору супруги придавалось большое значение, поскольку предполагалось, что с ней нужно прожить всю жизнь: *Жинка нэ рукавыця — минять нэ годыцця*. К будущей жене предъявлялось много требований: растить детей, ухаживать за скотиной, работать по дому, в огороде, *сте [э] ну́*, что находит отражение в поговорках: *Ни сматри́ на де́вку, шо да цэ́ркви идэ́, а сматри́, шо да са́жа* (станция Некрасовская). *Ву́мна жона́, як е бо́чка пиона́, а як пшыно́ у вузли́, так и ум у гузни́* (станция Старонижестеблиевская). См. также другие мудрые советы: *Добру жинку взять — горя не знать. Выбирай дружинку, шоб была работяца*. Важное качество жены — крепкое здоровье: *Чёлови́ку жы́нка ну́жна здоро́ва, а бра́ту систра́ бага́та* (станция Елизаветинская). Красота не была значимым критерием при выборе жены: *З красивого лыця воды нэ пыть, а з жинкою вик жить*. Не случайно *Жинку выбирають нэ глазами, а ушамы*, т. е. больше ценились покладистость, кроткий нрав: *А вам, хло́пцы, када́ жэ́нытысь, шоп жы́нка хоро́ша була́, шо́бы зря ны ла́ялась* (станция Старомышастовская). Неоднозначно отношение к возрасту супругов. С одной стороны, среди казаков были распространены браки, в которых муж значительно старше жены (*Казак на кони, а дивка в пэлэни*). С другой — большая разница в возрасте не приветствовалась: *Бида, у кого жинка молода*.

В традиционной кубанской семье казачка должна была подчиняться и угождать мужу: *Прожыла́ я, дивча́та, усю́ жы́знь пид ногтём* (станция Старотитаровская). См. также: *Воля и хорошу жынку портэ*. Приведем рассказы о порядках в казачьих семьях, содержащие стереотипизированные микросценарии поведения женщины: *Када́ каза́к подб́ийжжа́е, жына́ должна́ воро́та му́жу открыва́ть*. — А если она не заме-

тила, что он уже подъехал? — *А хай выгляда'* (станция Дядьковская). *Каза'чка му'жа пачи'тывала. Муш пад'ежжа'ить — ана' схва'тываиц'ца, аткрыва'ить варата'* (станция Попутная). *Чёлови'к до ха'ты вырта'ецця — на сти'л гото'втэ* (станция Азовская). Жена должна проявлять уважение к мужу, оставаясь в его тени. См. показательный контекст: *По'мню, как ради'тили разгава'ривали: «Шли таки'и, и ана' прёцца папэ'рэди, а он вза'ди». Ну как-та ни при'нята так бы'ла. Каза'к, мущи'на до'лжын итти' папэ'рэди* (станция Пластуновская).

Между тем казачка могла и постоять за себя, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания: *Жына' ви'дить: муш идёть и де'ржыть за та'лию сасе'тку. Ана' как папёрла на ниго': «Ах ты на'воль, варахо'ба!»* (хутор Братский). *А оды'н рас му'жа побы'лы дрючко'м* (станция Бриньковская). *Дет у на'с был, гавари'л ба'бе: «Щас ска'лки-кача'лки палучу'!» Ба'ба руга'ицца, вот гавари'т: «Кача'лку щас вазьму', те'ста как раската'ю тибе'!»* (станция Тверская). О женщине с крутым нравом говорили, что она мужа *подтопта'ла под каблу'к*.

Большинство контекстов отражают негативные стороны семейно-брачных отношений, что можно объяснить пессимизмом носителей ДКМ, заключающимся в актуализации отрицательных моментов действительности [Радченко, Закуткина, 2004, с. 25, 42]. Между тем зафиксированы рассказы и о счастливой семейной жизни: *С му'жым пражыла' два'иццать пять лет — как лёду. — Это как? — Харашо'* (станция Тверская). *Вот ужэ' шыися'т ади'н гот вме'сти. Биз ру'ганки ни быва'ит, но бы'стра астыва'им, ми'римся* (станция Успенская). Наиболее наглядно гармоничные отношения супругов отражаются в зооморфных сравнениях: *Мы никагда' ни разлуча'лись ф свае'й жы'зни. Мы как ле'бэди жылы'! Ф хати лёх — сумно' так, нэдо'бро, нэую'тно — нема'е жыны', хатя' ана' у мэ'нэ на рука'х умирла'. Вро'ди ужэ' и ажыда'л... И фсё равно' стра'шно, и фсё равно' жду я, и фсё равно' жду йиё, во'силь лет ужэ' жду* (станция Натухаевская). Этноспецифично использование уменьшительно-ласкательных диалектных наименований супругов: *Я на ёго ни каза'ла (ёго звать Ко'ля, мэ'нэ — Ве'ра). Вин на мэ'нэ Ви'ра нэ каза'л, я на ёго Ко'ля ни каза'ла. А чёлове'чик — жи'ночка, чёлове'чик — жи'ночка* (станция Ахтанисовская). Счастливых супругов старались приглашать сватами на свадьбу как залог благополучия зарождающейся семьи: *Я с му'жам харашо' жыла', паэ'таму миня' ча'ста прыглаша'ли свашкава'ть* (станция Линейная).

Рациональное осмысление жизненного опыта диалектной личностью приводит к осознанию того, что брак предопределен свыше, поэтому должен сохраняться независимо от того, счастливый он или нет: *З Бо'*

гом ны бы'цця, як жи'нка ны лю'бэ (станция Марьянская). По рассказам информантов, разводы случались и раньше, однако они были редки и вызывали осуждение: *Вот ски'кэ я зна'ю, ныхто' ны разво'дывся. Понажыва'ють дэтэ'й и живу'ть* (хутор Ананьевский). *Тут напро'буй, развиди'сь ж жы'нкай, иму' в па'ртии как даду'т чих-ных, а сича'с ви'дите, кака'я бизабра'зия* (станция Владимировская). Разведенным (разводны'м, разводя'щим) не просто было снова обрести семью: *Ана' была' развадя'ца и бо'льшы ни выхо'дила* (хутор Саньков). *Е'сли кака'я застаре'лая де'вушка пайдёт' за'муш за вдавца' и'ли за развадя'цива, то сва'дба абы'чна ни о'чинь бага'тая* (станция Ярославская).

Неодобрительная оценка современного отношения к замужеству находит отражение в следующих контекстах: *Вот сматрю' на тиливи'зару «Дава'й пажэ'нимся». Ду'маю: о! каки'и, жи'рнаи! Ей вон ни нра'вицца. Гля'ниш: тако'й муци'на! Зараба'туить, машы'ну име'ит, свой дом. А ана' кавы'рзуить, ка'бы ей вирталёт'ы. Ду'маю: о! каки'и, жи'рнаи! А мы...* (станция Бесстрашная). *Я до то'го пла'кала, як за'миж, выхо'дыла, а сча'с як иду'ть за'миж, так ыржу'ть як кобы'лы* (станция Новоберезанская).

Сложность и неоднозначность супружеских отношений раскрываются в многообразных житейских ситуациях, которые супруги переживают. Если муж и жена становятся *своими*, поскольку дают начало родству по крови, то принадлежность других некровных родственников к разным родам обуславливает их оценку друг друга не как *своих*, а как *чужих*. Фундаментальная семантическая оппозиция *свой* — *чужой* в лексико-семантическом поле «Некровные родственники» наиболее ярко выражается в отношениях свекрови / свекра и невестки, а также тещи / тестя и зятя.

Особенно показательна оппозиция *свекровь* / *свекор* и *невестка*. Невестка для родственников мужа «невесть что», «неизвестная», «незнакомая» (Н. М. Шанский и др., 1971, с. 287), поэтому оценивается негативно. Общепринятое слово *невестка* в КГУЯО имеет характерную огласовку *не[э/ы]ви'стка*, в КГЮЯО зарегистрирован структурный вариант *невещо'нка*. В КГ функционируют также существительное *сноха'* и его акцентно-словообразовательный вариант *сношу'ха*. Этимологическая версия, возводящая существительное *сноха'* к *сыно'хе*, буквально — «жена сына» (Н. М. Шанский и др., 1971, с. 419), позволяет рассматривать *сноху* как принадлежащую миру *своих*. Таким образом, в номинациях жены сына с корнями НЕВЕ (И) СТ- и СНОХ- заложено отношение к женщине со стороны родственников мужа и как к *чужой*, и как к *своей*. Семантика слов *сноха'* и *неве'стка* претерпела изменения: *снохой* раньше называл

жену сына только его отец, затем оба родителя, а невесткой — родители мужа и все остальные родственники. Процесс семантического развития ЛЕ *сноха* и *невестка* отражается в толковых словарях русского языка (Толковый словарь русского языка; Словарь современного русского литературного языка, VII, с. 736; XIII, с. 1512; Словарь русского языка, II, с. 426; IV, с. 167; Большой толковый словарь русского языка, 1998). Устаревшими являются лексемы *молода́йка* «младшая невестка» и *ятро́вка* «невестка, жена брата мужа», находящиеся со словами *неве́(и)стка* / *невещо́нка* в родо-видовых отношениях (как гипонимы и гиперонимы). Семантическое размежевание этих ЛЕ вызвано тем, что раньше семьи были большими и в них могло быть несколько невесток.

Психологическое отторжение невестки от семьи прослеживается в бытующей на Кубани паремии: *Невистка — чужа кистка*. Приведем ее с объяснением информанта: *Нэви́стка — чужа́ ки́стка. Цэ зна́чит, шо чужа́ дьты́на, чужо́й ко́сти дьты́на, нэ твоя́, всэ равно́ бу́дэ нэ родня́* (станция Старотитаровская). Высказанную мысль подтверждает фрагмент беседы, записанной в станице Зассовской: *Мы са свикру́хай дру́жна жы́ли. А ана́ да до́чки пашла́ жыть и ни ужыла́сь с радно́й до́чкai. Я ей гаварю́: «Ма, ну чё Вы уxóдिति?» А ана́: «Зна́иш, Зи́на, ты всё равно́ мне чужа́я чужы́на, а э́та ш до́чка радна́я».*

Стереотипное отношение к невестке как к причине всех бед выражается и в следующих диалогизированных паремиях: — *Хтось усра́всь? — Ньви́стка. — А дэ вона́? — Та ви́вци пасэ́, а виттиля́ ви́тэр нысэ́* (станция Старотитаровская) / — *Хтось набзди́в? — Нэви́стка. — Так вона ж корову́ пасэ́. — Так видти́ль жэ ви́тэр нэсэ́!* (ср. функционирование этих сценариев ритуального отталкивания невестки от рода в украинской паремике [Марфина, 2018, с. 285]). Многочисленны контексты, указывающие на лень, бесхозяйственность, неаккуратность, плохой характер невестки: *Ана́ (невестка) пло́ха за дитя́ми смо́трит: ани́ у ниё́ ве́чна зацу́цканныи* (поселок Пашковский). *Внук жыны́всь, взяв таку́ зачу́ху́нку* (поселок Пашковский). — *Невестка ваша хорошая хозяйка? — Яка́ там харо́ша! Засэ́ря, за́сранка!* (станция Старотитаровская). *Нэви́стка попа́лась с кандибо́биром — мы до́йи́х и ны хо́дым* (станция Старотитаровская). В семье мужа невестка ассоциируется со злом. Показательно, что в КГ функционирует фразеологизм *неве́стке на отме́стки* «назло» (ср. фразеологизм *невестке в отместку* (сделать что-либо) «отплатить за обиду обидой» (Большой академический словарь, т. 7, с. 736). Пресуппозициональный пласт ДФЕ демонстрирует, что невестка совершила или может совершить нечто такое, за что заслуживает *отместки*.

Недоброжелательное отношение к невестке проявляется в желании нагружать ее работой: *Було́ такэ́ ра́ньшэ́: ныви́'стку во́зьмутъ, она́ ра́но встае́' и борц ва́'рэ и свыкру́'хы нэсэ́' куштува́'ть* (станция Новотитаровская). *Идэ́'ш за́'миж — знай, шо трэ́'ба ни́'зно лягты́', ра́но вста́'ты. А щас...* (станция Сергиевская). Зафиксированы контексты, свидетельствующие о доброжелательном отношении к невестке: *Пришла́ да му́'жа жыть. Миня́' там харашо́' при́'няли. Ани́' миня́' паджа́'-ливали: я ш ху́'динькая была́', ру́'чки то́'нинькии, жы́'лочки наскро́'сь святы́'лись, жале́'ли* (село Кулешовка).

В традиционном представлении носителей КГ к положительным качествам жены сына относятся ее хозяйственность, аккуратность, трудолюбие, забота о детях: *Ниве́'стка папа́'лась чисто́'ха, грех жа́'лавацца* (станция Зассовская). *Ниве́'стка харо́'шая. В до́'ми чи́'ста всё, харашо́'.* *Даде́'льница!* (станция Константиновская). *В мэ́'нэ нэви́'стка така́' сэмиди́'лыха: и жа́'рэ, и па́'рэ, и за дыты́'ной ды́'выцца* (станция Новокорсунская). Паремия *Нэ в тим дило, скількэ́ нэвистка йистъ, а в тим дило, куды крохы со стола згортае* представляет собой своеобразный тест, по которому определяли плохую или хорошую хозяйку: если невестка съедает оставшиеся на столе после еды крошки или относит их скотине — значит, хорошая хозяйка, а если сметает их на пол — значит, плохая. Вопреки стереотипному представлению о второстепенности внешних данных невестки, часто ее красота становилась предметом гордости семьи мужа: *Ниве́'стка — краса́'вица, краснащэ́'кая, уве́'жливая, краси́'вая* (станция Кубанская). *Им гаваря́'ть, ну смю́'цца: «Взя́'-ли ниве́'сту: ни пад мишо́'к, ни пад гаршо́'к!» А ани́' вро́'ди захища́'-ють: «Нам ни мишки́' наси́'ть, нам ли́'ж бы двор краси́'ть!»* (станция Родниковская).

Концепт «невестка» наиболее ярко объективируется в семантической оппозиции *невестка — свекровь*. Слово *свекро́'вь*, согласно народной этимологии, ассоциируется со словосочетанием *своя кровь*, этим обозначено принятие жены в семью мужа через кровь — рождение детей. Носители КГ наряду с общенародным словом *свекро́'вь* активно используют его нейтральные структурные диалектные варианты: *свекру́'ха, свекро́'вка, свекро́'вья, свекруся, свекру́'шка, свёкра*, экспрессив *свеку́'рва* (*ку́'рвой* в русских говорах называют «сплетницу, плутовку, хитрого, лицемерного человека») [Словарь русских народных говоров, т. 16, с. 113]).

Свекровь проявляет свое отношение к невестке, опираясь как на «стереотипные представления, так и на сформированные на основе непосредственного опыта» [Новоселова, Храмцова, 2012, с. 199]. См. послови-

цу: *У хорошей свекрухи сноха без шлычки и во двор не выйдет*, где *шлыч-ка* «головной убор замужних казачек, надеваемый на пучок волос». В паремийном тексте раскрывается важная роль свекрови — следить за тем, чтобы поведение и внешний вид снохи соответствовали принятым в казачьем сообществе нормам.

В традиционной казачьей семье свекровь стремилась подчинить невестку своей воле. Приведем высказывание информанта о прошлой жизни: *Цэ ж як жылы': свикру'хы булы', а ниве'стки паткаря'лыся* (станция Новотитаровская). Невестки должны были угождать матери мужа: *Рас свикро'вы дагади'ш, бу'диш харо'шая* (станция Архангельская). *Опя'ть жэ свэкру'хы ны угоды'ш: то чэ'тверть ны побан'ныш...* (станция Калужская). *Ма'чихи на'да було'годы'ть, за'миж вы'шла — свэкру'хы на'да годы'ть* (станция Старотитаровская). Эта мысль отражается в песенном фольклоре: *Ой, свэкруси годы* (угождай) — *сорочку пэры* (стирай), *Ой, свэкруси годы — головку чеши* («Ты ходыла Марусэнька по крутий гори»). Подчиненное, почти бесправное положение невестки демонстрируют фрагменты рассказов информантов: *В кино'итты', ста'ну просы'ть. А вона'* (свекровь): *«Ны'чэго разно'сыть гро'щи»* (станция Копанская). *Дитэ'й сажалы за кру'глый стил — сы'рно. И тут, за сы'рном, ми'сто ныви'сткы. Сажалют, е'сли шо доста'нэцця йши'. А то, мо'жэ, и нычэго нэ доста'нэцця* (г. Славянск-на-Кубани).

Многие носители КГ отмечают существенные изменения в отношениях свекрови и невестки: *Ны'нчи сно'хи ни дю'жы слушають, чуть шо ни та'к — сра'зу свикро'вки куде'лю сыгра'ють* (станция Новолабинская). *Цэ щас, от сматрю': маи'диты таки'цыка'ви, ска'жыш, шо ты...* *А ра'нышы, ба'чиш, сказа'ла свэкру'ха...* (село Первореченское). *От ра'нышэ було': ди'вчина выхо'дэ за'миж, она' потчиня'лась свэкру'хи. А сича'с и ро'дной ма'тэри нэ хо'че потчиня'цця* (станция Пластуновская.).

Напряженные отношения между свекровью и невесткой «обусловлены разнородными факторами, в том числе и фактором использования языка» [Байкулова, 2014, с. 40]. В основном недовольство друг другом свекровь и невестка выражают в словесной перепалке. Этот сценарий поведения воплощен в паремийном тексте-максиме: *Ночна(я) кукушка / зозуля дневному(ю) перекукует*. Данная пословица, в которой свекровь и невестка представлены в образе кукушки / зозу'ли, выражает существующую в народном сознании мысль о большем влиянии жены на мужчину, чем его матери. Свекровь убеждена в том, что сын находится под влиянием жены, и это вызывает у нее неприятие: *Нэви'стка сы'на захамута'ла* (хут. Саньков). *Ве'рка* (невестка) *Ви'ткы захамута'-*

ла, он типе'рь биз ниё ша'гу ни сту'пит. Как ана' ска'жыт, так ы бу'-дит (г. Усть-Лабинск).

Негативная маркированность концептуальной корреляции «свекровь — невестка» подтверждается и стремлением свекрови настраивать сына против жены: *Свикро'ха ёго' пря'мо е'дом е'ла, щё ви'н миня' взяв з ма'лой дыты'ной* (станция Бородинская). *Я слы'шала, как начи'на'ют други'е свикро'ви сы'ну начи'тывать, што ана' ни так zde'лала и'ли ни паслу'шала* (станция Платнировская). Информанты описывают случаи, когда свекровь прибегала даже к черной магии: *Моя' до'чичка вы'шла за'муш, а мать йиго' ей поде'лала. Она' мо'жэ причарова'ть, мо'жэ и на сме'рть. Як она', моя' до'чичка, пожыла' з ным полго'да и начала' горе'ть: со'хла-со'хла бе'днэнька. А мнэ сра'зу каза'ли: «Ей поде'лано, ей поде'лано»* (хутор Незаймановский). *Я бале'ла си'льна, и все гаваря'т, шо ана', свикро'ха, мне zde'лала* (станция Родниковская). Микросценарий поведения свекрови, советующей сыну жестоко обращаться с женой, проигрывается и в песенном фольклоре: *Маты сына науча: «Ой, ты сыночку мий, Ой, ты сыночку мий, ты дэтына моя. Чом ты жинку нэ бьеш, чом ийий нэ лаеш* («В мэнэ батэнько свит»); *Пиды, сыну, на ярмарок пишкы, та купы, сыну, дротяну нагайку. Купы, сыну, дротяну нагайку, Та й бый жинку с вечор и до ранку* («Ой, на гори васылэчки сходять»).

Изменения в укладе современной семьи, когда усиливается влияние женщины, привели к тому, что широко бытующая в КГ поговорка *Лучше у сына пид столом, чем у зятя за столом* претерпела следующие трансформации: *Лучше у зятя пид столом, чем у сына за столом; Лучше у зятя пид столом, чем у нэвисткы за столом*. Приведенные паремии демонстрируют психологическое отторжение свекрови от невестки. См. также высказывание информанта: *Я ей сказа'ла: «Куды' ты пайде'ш? К ниве'сткам? Хвасты' паднаси'ть („угодничать”)?»* (станция Новолокинская).

Между тем их взаимоотношения могли складываться по-разному. Одни информанты отзываются о свекрови негативно, вспоминают ее тяжелый характер, несправедливые обиды и упреки, другие говорят о матери мужа с благодарностью (она помогала по хозяйству, нянчила детей, даже защищала невестку от побоев мужа — своего сына). Ср. высказывания диалектоносителей: *Ну свикро'вья, ана' нимно'шка з душко'м была'* (станция Архангельская). *Свикро'ха така' лю'та ба'ба була'* (станция Бородинская). *Свикро'вья была' дю'жэ скупа' и ни любви'ла миня'* (село Новопавловка). — *Свикро'вь харо'шая была', нируга'тильная. Я никагда' на ниё ни абижа'лась. Памага'ла*

(станция Воздвиженская). *Свыкро'вья харо'шая была'. Он миня' рас хате'л наби'ть, а свыкро'вья защити'ла: «Ты е'сли ру'ку пртя'ниш, я тибе' иё атабью'»* (станция Михайловская). *Спаси'ба ей* (свекрови) *за усё, што ана' дите'й маи'х вы'глядела* (станция Передовая). Часто после смерти сына свекровь оставалась жить с невесткой, которая до-сматривала ее: *Муш у'мир, я оста'лась са свикро'вьей. Я свикро'вью ни-куда' ат сибя' ни аткида'ла, вот у э'тай ха'ти мы с ней жы'ли* (ста-ница Архангельская). Использование информантом возвратного ме-стоимения в выражении *от себя' не откида'ть* по отношению к све-крови свидетельствует, что она в сознании невестки находится в бли-жайшем родственном окружении.

Двойственное отношение невестки к свекрови отражается и в фольк-лорных произведениях. Так, в песнях кубанских казаков «Ой, пиду я до гаю», «Ой, у поли риченька» с одинаковым двустижием «Збудуй / здобудь (мылый) хату з лободы, а в чужую нэ воды. Бо чужая такая, як свэкруха лыхая» слово *свэкру'ха* имеет отрицательный эпитет *лыха' (я)*. Приведенные песенные строчки в редуцированном виде зафиксирова-ны в речи информантов: *Ой, дивча'та: чужа' ха'та така', як свыкру'ха лыха'* (станция Елизаветинская). На доброжелательное отношение к ма-тери супруга настраивает обрядовая лирическая песня «Суботонька, нэ-дэлинька, як одын дэнь»: *Ой назаву я «свэкрушенька, та й нэ гожэ», / Ой назаву я «матинькой», мылый гожий*. В станице Зассовской у слова *све-кро'вь* зафиксирован синоним *ма'тушка*. При этом на Кубани во мно-гих семьях до сих пор принято называть мать мужа мамой, а отца — па-пой, отцом, батенькой, что восходит к древнему обычаю приравнять свойственное родство к кровному, воспринимать *чужое* как *своё*. Двоя-кое отношение к свекрови характерно для русской лингвокультуры [ср. Пономарева, 2015, с. 187].

Двойственностью характеризуются и отношения невестки со све-кром. С одной стороны, отец мужа мог быть для молодой хозяйки за-ступником: *Ба'тинька жале'л миня', как ате'ц* (станция Некрасов-ская). С другой — зафиксированы воспоминания, в которых рассказы-вается о его излишней строгости, даже грубости: *Простоволо'су ри'т-ко побачиш. Цэ ти'льки хто там до'ма, би'ля не'чки, як жа'рко воно'и. Тай ще' сви'кор нагарчи'ть: «Шо па'тли роспусты'ла!»* (станция Старомышастовская).

В КГУЯО лексема *свёкр* имеет специфичную огласовку [*свэкр*], [*св'и'кор*]. В проанализированных материалах рассказы о свекре не-многочисленны. Это обусловлено объективными причинами: невест-ка не так часто взаимодействовала со свекром, поскольку он не участ-

вовал в женских хозяйственных делах. Отсюда бытующее на Кубани УС *як свєкр пєлюшкы' стира'ть / прать* «о чём-л. маловероятном, невозможном»: — *Вот ищє гаваря'т: як свєкр пєлюшкы' стира'ть*. — Это долго? — *Та эта вапице' нивазмо'жна прицта'вить*. Э'тава ни мо'жит быть, штоп свєкар, и он стира'л пєлюшки'. Э'та луна' ле'хчи упадєт, не'жыли тако'е праизайдєт (станция Натухаевская). Не приветствовал свєкр и стремление сына помочь жене: *Я пєлєнкы постира'ла*. Муш говори'т: «Дава'й, я пиду' пове'шаю!» А отє'ц и говоры'т: «Пытро', шо ты за коза'к, шо ты пєлюшкы' ви'шаиш?!» И прыцтавля'иш, мы и ны жы'лы, та'к ы розийшы'сь. Ота'к пєлюшкы'... (станция Марьянская).

Свєкра и свєкровь в КГ называют *све'[э/е]кры* (ср. *батьки'(ы')*, *отцы'* «отец и мать», *деды'* «дед и бабушка»), при этом для родителей жены в КГ общее наименование отсутствует.

Лексемы *тєсть* и *тєща* образуют универсальную семантическую оппозицию со словом *зять*. Поскольку в старину принято было молодым жить в доме мужа, отношения зятя с тестем и тещей, как правило, отличались неконфликтностью. К родителям жены приезжали только погостить, в силу чего в народном сознании о них сложилось мнение как о гостеприимных хозяевах: *У хорошєй тєщи зять нє будє тощий*. В дореволюционном словаре Л. К. Розенберга зарегистрирована ДФЕ *увидеть тєщу* «напиться до тошноты» (Л. К. Розенберг, 1908, с. 37). Вероятно, в ее основу положена прототипическая ситуация обильного и долгого застолья зятя у тещи в доме. В КГ бытует также идиорефлекс *не у (в) тєщи в (у) гостя'х*, используемый в случаях, когда человек попадает в некомфортную для него ситуацию.

Теща часто воспринимается зятем как вторая мать, для которой муж дочери — любимый сын. Она переживает за него, жалеет его, ценит: *Зять бале'ить, тако'й заблєклый стал* (станция Некрасовская). *Зять у мене' тако'й ба'сливый, тако'й жа'ласливый* (станция Новолабинская). Зять в благодарность помогает по хозяйству, проявляет заботу: *Дочки'н муш (зять) помо'х стро'ицца* (хутор Ананьевский). *А тєпэ'р ужэ' до смэ'рти дожива'ю, жду смэ'рти*. *Зять ка'жэ: «Оддыха'й тэпэ'р»* (станция Стародеревянковская). Отсюда желание многих женщин, имеющих и сына, и дочь, доживать в старости в доме зятя: *Лучше у зятя под столом, чем у сына за столом*.

Между тем зарегистрированы высказывания, в которых упоминается неприязненное отношение зятя к тестю и теще: *Зять на на'с смо'трит бузаям* (станция Бородинская). *Зять гру'бый, он мо'жит и ма'там сруга'цца* (станция Успенская). *Прыє'хали да до'чки в Краснада'р, а зять с на'ми крозь зу'бы* (г. Усть-Лабинск).

К отрицательным характеристикам зятя родители жены прежде всего относят склонность к алкоголю: *Зять — каплю́ жник и шалапу́т* (станция Васюринская). *Зять твирёзый и зло́й хо́дит* (станция Зассовская). *Зять с утра́ пья́ный, глаза́ ва флю́гер. Кака́ я типе́рь рабо́та. Паго́нят с рабо́ты!* (станция Кущёвская). *Зять выпива́ит, до́чка жа́луица. А я гаварю́: ба́чили о́чи, шо купува́лы. Я, када́ ани́ рышы́ли пажыни́цца, гавары́ла, шо сматры́: у них ба́тько пьёт* (поселок Пашковский). Неодобрение вызывают лень, бесхозяйственность зятя, отсутствие у него мастеровитости: *Зять с Краснода́ра, хоти́ в вы́шню попиля́ть, а сам пилу́ в рука́х ны дыржа́в. А я кажу́: «С чужо́го коня́ сэра́дэ до ро́гы гэть!»* (станция Елизаветинская). *Зять взя́вся машы́нку стира́льну пачини́ть, та ни пачини́в, а далама́л. Ни кава́ль, так ы рук ни пага́нь!* (поселок Пашковский). *Зять хо́дэ и на мотню́ наступа́: нычэго́ нэ хо́че до́ма робо́ть* (станция Старотитаровская).

На основе проанализированного диалектного материала можно реконструировать образ идеального мужа для дочери, выделив в понятии «зять» следующие концептуальные признаки: непьющий, работающий, мастеровитый, обходительный, здоровый. Представляется, что именно на эти качества указывает местоимение *такы́й* в следующем высказывании диалектоносителя, записанном украинским собирателем В. Билозерским на Кубани еще в XIX в.: *Зять як бы мэни зять такый, я б ноги мыв та юшку пыв* [Чалов, 1981, с. 30]. Желание тестя и тещи иметь хорошего зятя выражается и в свадебном присловье: *Будь, зятю, добрэсэннький, як кужух тэплэсэннький*.

В лексико-семантическое поле «Некровные родственники» входят также в диалектные номинации братьев и сестер мужа и жены: *ди́вер / ди́верь* «деверь, брат мужа», *золовы́ця / зовы́ця / зовы́ца* «золовка сестра мужа», *шуря́к* «шурин, брат жены», *своя́чена / своя́ченка* «свояченица, сестра жены». Восприятие в языковом сознании носителей КТ этих некровных родственников как *своих* вербализуется по-разному: благодаря прозрачной внутренней форме (корень СВОЙ- в ЛЕ *своя́чена / своя́ченка*), наличию синонимов, номинирующих в первом значении кровных родственников (*у ди́вера / ди́веря — бра́тка, у золовы́ци / зовы́ци / зовы́цы — ня́ня* (первый ЛСВ — «старшая сестра») и *сестру́шка*). Между тем у понятия *золо́вка* можно выявить концептуальные признаки *злая, хитрая, коварная* на основе широко известного паремийного текста *Золовка — змеина(я) головка* и ассоциации лексем с существительным *зло*, что позволяет отнести сестру мужа и к миру *чужих*. В традиционной кубанской семье невестка должна была угождать не только свекрови, но и золовке, взяв на себя большую часть обязан-

ностей по дому. Показательны строчки казачьей песни «Ты ходыла Марусенька по крутий гори»: *Ой, зовыщи годы — русу косу чеши, Та дэржи в свитльци всэ чистэнько.*

Проанализированные наименования братьев и сестер мужа и жены в отношении к их новому родственнику и друг к другу находятся на периферии анализируемого микрополя, что обусловлено снижением их актуализации в языковом сознании диалектоносителей ввиду изменений традиционного семейного уклада — распада большой семьи. В русском литературном языке, как отмечают исследователи, происходит замещение этих номинаций набором описательных оборотов типа *брат мужа* вместо *деверь*, *сестра жены* вместо *свояченица* и т. п.

В КГУЯО жену дяди называют словом *дя́ды(и)на*, омонимичным общерусскому притяжательному прилагательному *дядин(а)*. Лексема имеет параллели в других русских говорах, напр. архангельских — *дейна*, *деенка*, *дедина* и др., и относится, по выражению И. Б. Качинской, к наиболее «экзотическим» из сохранившихся терминов свойства [Качинская, 2016, с. 219]. Во внутренней форме данного диалектизма эксплицитно заложен концептуальный признак *свой* как «принадлежащий дяде — кровному родственнику».

Колоритный пласт образуют в КГ ДФЕ, номинирующие дальних или фиктивных родственников. Функциональная энергетика подобных устойчивых выражений, обладающих ярко выраженной иронической коннотацией, как справедливо отмечает В. М. Мокиенко, обусловлена тем, что они созданы по узнаваемым языковым моделям [Мокиенко, 2018, с. 305–306]. В речи носителей КГ активно функционирует фразеологизм *седьмая вода на киселе* с характерной для КГУЯО огласовкой *сидьма́ вода́ на кисили́*. В местных говорах фразеологизм имеет диалектный нумерологический вариант *пя́та(я) вода́ на киселе́ /и́*. Исходный образ этого выражения вытекает из традиционного в русских деревнях способа приготовления киселя [Федоров, 1980, с. 33]. Характеристика дальнего или мнимого родства возможна и через другие привычные сельскому человеку реалии — забор, плетень (*на́ шему забо́ ру двою́ родный плете́нь*). Закономерно включение во фразеобразовательную основу наименований человека. Причем в этих оборотах используются как антропонимы, так и нарицательные существительные, номинирующие родственников, к которым относятся и работники, поскольку в народном сознании семья традиционно понимается как совокупность всех живущих в одном доме, ведущих совместное хозяйство (работники, нанятые на время сезонных сельскохозяйственных работ, в этот период разделяли с хозяевами пищу и кров). Зарегистрированные идиомы мож-

но объединить в два фразеологических гнезда на основании сходства механизмов фразообразования, выявление которых дополняет знания о характере когнитивных процессов в сознании носителей КГ: 1) *Петро' / Васы' ль ба' бе ри' дный Хве' дир, як двою' родного Хве' дира ку' ма сват; Це В' аська мое' й ба' бе тётка*; 2) *Ку' мыной сва' хи молотныкы' ; Ди' дова су- си' да молотныкы' (молотни' к — тот, кто молотит (Словник української мови, IV, с. 791); Роды' на — ку' мового найми' та дety' на (найми' т «наёмный работник»)*. Ироничное отношение к дальнему родству подчеркивается алогичностью компонентов ДФЕ — *че' рез доро' гу на (в) при' (ы') сядки(ы)*. Доминантой выражения *як чётр кози' дя' дько* является демонизм *чётр*. Как свидетельствует иконография, *чётр* заимствует большую часть своих черт от *козла*: обладая звероподобной внешностью, он имеет рога, копыта и хвост, что, с одной стороны, допускает родственную связь черта и козы, отраженную в устойчивом выражении. Однако, с другой стороны, согласно народным представлениям, *коза* объединяет в себе черты как нечистой силы, так и оберега от нее, что создает неоднозначное представление о родстве козы и черта. Идея родственности / неродственности подчеркивается лексемами *дя' дько* и *чётр*, репрезентирующими парный концепт «свой — чужой».

Языковой материал показал, что в ДКМ жителей Кубани некровные родственные отношения эмоционально насыщены. В лексико-семантическом поле «Некровные родственники» ярко реализуется архетипическая оппозиция *свой — чужой*. Традиционно противопоставление данных концептуальных признаков выражается в отношениях свекрови / свекра и невестки, а также тещи / тестя и зятя. ЛЕ, номинирующие мужа, жену, деверя, золовку, шурина, свояченицу, обозначая *чужих* по крови, приобретают концептуальный признак *свой* за счет разнообразных языковых средств. Одно из них — паремийная поддержка, способствующая появлению у номинаций некровных родственников концептуальных признаков, позволяющих относить их к миру *своих*. Аналогичную роль играют и контекстные средства семантической поддержки конститuentов данного поля. У некоторых терминов свойства семантический компонент *свой* содержится в их внутренней форме. К лексическим средствам относится наличие синонимов, номинирующих в КГ также и кровных родственников. Возможны формальные показатели принадлежности к *своим*: грамматические признаки (отсутствие формы ед. ч., создающее прагматический эффект восприятия поженившейся пары как единого целого; отнесенность номинации мужа и жены к общему роду); словообразовательный (выражение семантики *своего* за счет суффикса -ИН). Семиотическая оппозиция *свой — чужой*, проявляясь в лексико-семантическом поле «Не-

кровные родственники», респондирует культурно значимые представления жителей Кубани о категории свойства.

Языковой материал свидетельствует о двойственности отношений между некровными родственниками, демонстрирующей как сохранение стереотипизированных образов и сценариев жизненных ситуаций, так и их трансформацию. В большей части зарегистрированных контекстов отражаются негативные стороны семейно-брачных отношений, что обусловлено пессимизмом ДКМ — актуализацией диалектоносителями отрицательных моментов действительности. Этнокультурно релевантную информацию транслирует категоризация отдельных понятий свойства посредством важных для носителей КГ концептообразующих признаков. На периферии находятся номинирующие дальнюю родню фразеологизмы, основной прагматический признак которых — ярко выраженная ироническая коннотация.

На основе проведенного исследования можно заключить, что система отношений между некровными родственниками совмещает в себе устоявшиеся и изменившиеся лингвокультурные представления о семейно-брачных отношениях жителей Кубани.

Библиографический список

Байкулова А. Н. Факторы дисгармонии в общении некровных родственников, свекрови и невестки: пути урегулирования конфликтного взаимодействия // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2014. Вып. 14.

Бондарь Н. И. Кубанское казачество в контексте проблемы: этнос — пространство — время // Древо жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар, 2019.

Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24216270>

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3. URL: <https://strana-oz.ru/2002/3/klyuchevye-idei-russkoy-yazykovoy-kartiny-mira>

Качинская И. Б. Термины свойства в архангельских говорах: жена сына — невестка, сноха, молодка // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 3.

Марфина Ж. В. Вербализация стереотипа свойских отношений в русских и украинских паремиях // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литературы. Симферополь, 2018.

Мокиенко В. М. Структурно-семантическая модель в Полном фразеологическом словаре русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. СПб, 2018.

Новоселова О. А., Храмцова Л. Н. Невестка и свекровь в диалектной картине мира // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 9.

Пономарева Е. Ю. Концептуальная оппозиция «свой — чужой» как способ объективации концепта «теща / свекровь — mother-in-law» в русской и английской лингвокультурах // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 20. Вып. 11 (151).

Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6.

Смирнов Е. С. Субконцепты «отец» и «мать» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья // Филология и человек. 2022. № 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/560/249>

Сокур Е. А., Адзинова А. А. Микроконцепты «муж» и «жена» в русской лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2018. Вып. 2 (217).

Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология языка. Новосибирск, 1980.

Чалов В. П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Источники

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани. Армавир, 2009.

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Фразеологический словарь говоров Кубани. Армавир, 2006.

Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков. URL: https://imwerden.de/pdf/bigdaj_pesni_kubanskikh_kazakov_1992__ocr.pdf

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание. СПб., 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар, 2018.

Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику. Армавир, 2019.

Розенберг Л. К. Некоторые своеобразные и малопонятные слова, вошедшие в говор станиц Северного Кавказа: пословицы, поговорки с примечаниями, объясняющими значение некоторых слов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908. Вып. 38.

Русский говор Кубани (РГК): Словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992. Деп. В ИНИОН РАН. № 47266.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–40), С. А. Мызников (вып. 41–51). М.; Л.; СПб., 1955–2017.

Словарь русского языка: в 4 т. М., 1985–1988.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1950–1965.

Словник української мови: в 11 т. Київ, 1970–1980.

Ткаченко П. И. Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар, 2008.

Толковый словарь русского языка: в 4 тт. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

References

Baykulova A. N. *Faktory disgarmonii v obshchenii nekrovnykh rodstvennikov, svekrovi i nevestki: puti uregulirovaniya konfliktного vzaimodeystviya*. [Factors of disharmony in the communication of non-blood relatives, mother-in-law and daughter-in-law: ways to resolve conflict interaction]. In: *Problemy rechevoy kommunikatsii*. [Problems of speech communication]. Saratov, 2014. Iss. 14.

Bondar' N. I. *Kubanskoe kazachestvo v kontekste problemy: etnos — prostranstvo — vremya*. [Kuban Cossacks in the context of the problem: ethnos — space — time]. In: Bondar' N. I. *Drevo zhizni: ocherki tradicionnoy narodnoy kul'tury. Etnografiya, antropologiya, semiotika*. [Tree of life: essays on traditional folk culture. Ethnography, anthropology, semiotics]. Krasnodar, 2019.

Wierzbicka A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov*. [Understanding cultures through keywords]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24216270>

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira*. [Key ideas of the Russian language picture of the world]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. 2002. No. 3. URL: <https://strana-oz.ru/2002/3/klyuchevye-idei-russkoy-yazykovoy-kartiny-mira>

Kachinskaya I. B. *Terminy svoystva v arkhangel'skikh govorakh: zhena syna — nevestka, snokha, molodka*. [Terms of relatives by marriage in Arkhangelsk dialects: nevestka, snokha, molodka]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Kostroma State University]. 2016. No. 3.

Marfina Zh. V. *Verbalizatsiya stereotipa svoyskikh otnosheniy v russkikh i ukrainskikh paremiyakh*. [Verbalization of the stereotype of relations between relatives by marriage in Russian and Ukrainian proverbs]. In: *Dialog kul'tur. Teoriya i praktika prepodavaniya yazykov i literature*. [Dialogue of cultures. Theory and practice of teaching languages and literatures]. Simferopol', 2018.

Mokienko V.M. *Strukturno-semanticheskaya model' v Polnom frazeologicheskom slovare russkikh narodnykh govorov*. [Structural-semantic model in the Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2018*. [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2018]. St. Petersburg, 2018.

Novoselova O.A., Khramtsova L.N. *Nevestka i svekrov' v dialektnoy kartine mira*. [Daughter-in-law and mother-in-law in the dialectal picture of the world]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2012. Vol. 11. Iss. 9.

Ponomareva E.Yu. *Kontseptual'naya oppozitsiya «svoe — chuzhoy» kak sposob obektivatsii kontsepta «teshcha / svekrov' — mother-in-law» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh*. [Conceptual opposition «native — alien» as a mean of concept «mother-in-law» objectivization in Russian and English linguistic cultures]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. [Tambov University Review. Series: Humanities]. 2015. Vol. 20. Iss. 11 (151).

Radchenko O.A., Zakutkina N.A. *Dialektnaya kartina mira kak idioetnicheskii fenomen*. [Dialectal picture of the world as an idioethnic phenomenon]. In: *Voprosy yazykoznavaniya* [Questions of linguistics]. 2004. No. 6.

Smirnov E.S. *Subkontsepty «otets' i «mat'» v traditsionnoy lingvokul'ture Severnogo Priangar'ya*. [The subconcept «father» and «mother» in the average linguoculture of the Northern Angara region]. *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2022. No. 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/560/249>

Sokur E.A., Adzinova A.A. *Mikrokontsepty «muzh» i «zhena» v russkoy lingvokul'ture*. [Microconcepts «husband» and «wife» in Russian linguistic culture]. In: *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie*. [Bulletin of the Adyghe State University. Series: Philology and Art History]. 2018. Iss. 2 (217).

Fedorov A.I. *Sibirskaya dialektnaya frazeologiya yazyka*. [Siberian dialectal phraseology of the language]. Novosibirsk, 1980.

Chalov V.P. *Istoriko-lingvisticheskij ocherk frazeologii kubanskogo kazachestva, otrazhayushchij ego istoriyu, voennyj byt i duhovnuyu kul'turu*. [Historical and linguistic essay on the phraseology of the Kuban Cossacks, reflecting its history, military life and spiritual culture]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 1981.

List of sources

Andryushchenko V.I. i dr. *Slovar' kubanskih govorov. Krasnodarskij kraj: vostochnyj region Kubani*. [Dictionary of Kuban dialects. Krasnodar territory: Eastern region of Kuban]. Armavir, 2009.

Andryushchenko V.I. i dr. *Frazeologicheskii slovar' govorov Kubani*. [Phraseological dictionary of Kuban dialects]. Armavir, 2006.

Bigday A. D. *Pesni kubanskikh Kazakov*. [Songs of the Kuban Cossacks]. URL: https://imwerden.de/pdf/bigdaj_pesni_kubanskikh_kazakov_1992__ocr.pdf

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. [Great Dictionary of Russian language]. Ch. ed. S. A. Kuznetsov. First edition. St. Petersburg, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskikh govorov*. [Experience of the Kuban dialect dictionary]. Krasnodar, 2018.

Leksika i frazeologiya govorov kubanskogo linejnogo kazachestva: materialy k slovaryu-spravochniku. [Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: materials for the dictionary-reference]. Armavir, 2019.

Rozenberg L. K. *Nekotorye svoeobraznye i maloponyatnye slova, voshedshie v govor stanits Severnogo Kavkaza: posloviцы, pogovorki s primechaniyami, ob'yasnyayushchimi znachenie nekotorykh slov*. [Some peculiar and obscure words included in the dialect of the villages of the North Caucasus: proverbs, sayings with notes explaining the meaning of some words]. In: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza*. [Collection of materials for describing the areas and tribes of the Caucasus]. 1908. Iss. 38.

Russkij govor Kubani: slovar'. [Russian dialect is the Kuban]. Edited by E. P. SHEjninov and E. F. Tarasenkovoј. Krasnodar, 1991. Dep. in INION Russian Academy of Sciences 12. 11. 1992, № 47266.

Slovar' russkikh narodnyh govorov. [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. by F. P. Filin (vol. 1–23), F. P. Sorokoletov (vol. 23–40), S. A. Myznikov (vol. 41–50). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, 1955–2017. (SRNG)

Slovar' russkogo yazyka. [Dictionary of Russian]. In 4 vols. Moscow, 1985–1988.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. [Dictionary of modern Russian literary language]. In 17 vols. Moscow, Leningrad, 1950–1965.

Slovník ukraїns'koi movi. [Dictionary of Ukrainian]. In 11 vols. Kiev, 1970–1980.

Tkachenko P. *Kubanskіe posloviцы i pogovorki*. [Kuban proverbs and sayings]. Krasnodar, 2008.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. [Explanatory dictionary of the Russian language]. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117

Shanskiy N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. *Kratkiy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. [Brief etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1971.